

НАЗИРОВ Р. Г. (Уфа)

ЯБЛОКО И ГРАНАТ В МИФАХ И СКАЗКАХ РАЗНЫХ НАРОДОВ

К проблеме синонимии культурных символов

Яблоня культивируется людьми, начиная с эпохи неолита. Естественно, плод яблони занимает весьма заметное место в фольклоре всех народов, знакомых с этим деревом. Поэтому не случайно в I том «Enzyklopädie des Märchens» вошла статья справочного характера о сказочных образах яблока и яблони¹. Автор ее В. Шпенглер указывает ряд вариантов международных сказочных сюжетов из европейских фольклорных сборников, в которых повествуется о чудесном яблоке или чудесной яблоне; он упоминает античные мифы о Деметре, Афродите-Венере, германский миф о Негеллении; во всех этих мифах яблоко играет роль атрибута и символа любви, плодovitости и вечной молодости. Однако В. Шпенглер не анализирует учтенный им (далеко не полностью) материал в историческом плане, не различает основных и побочных поэтических функций сказочного яблока.

Попытаемся прежде всего проследить в различных проявлениях традиционные поэтические функции яблока в мифах и сказках. Начнем с классического мифа о том пире на Олимпе, на который «забыли» пригласить Эриду, богиню раздора. Она отомстила, подбросив на пир золотое яблоко с надписью: «Прекраснейшей». Тотчас вспыхнул спор между Герой, Афиной и Афродитой, и царевич Парис присудил яблоко Афродите, обещавшей дать ему в жены Елену Прекрасную. Но по внутренней логике мифа суд Париса был предрешен, ибо все яблоки в мире принадлежали богине любви. Яблоко — это плод, посвященный Афродите.

²² КНП I—III; JSFO XI₁, S. 63, 66, 68, 90, 92, 93, 116.

¹ Enzyklopädie des Märchens. Herausgegeben von Kurt Ranke, Göttingen. Bd I, Lieferung 3. Berlin — New York (1976), 622—625. «Apfel, Apfelbaum». Говоря о символическом значении яблока в мифах, автор ссылается на специальную монографию: Tervarent, G. de: Attributs et symboles dans l'art profane. Geneve, 1958, 311—313.

Золотые яблоки фигурируют и в мифе об аркадской охотнице Аталанте, которую новорожденным ребенком бросили на горе Парфенион и которую выкормила медведица. Этот миф — реликт медвежьих культов Аркадии, процветавших в самом начале архаической Греции.

Вновь принятая отцом и ставшая невестой, Аталанта поставила условием, что женихи должны состязаться с нею в беге: кто ее перегонит, тот на ней женится, а проигравшему — смерть. Никто не мог обогнать быстроногую охотницу, и Аталанта своим копьем убивала злополучных искателей. Ее завоевал хитростью Меланион (вариант — Гиппомен): по совету Афродиты, он во время бега разбрасывал золотые яблоки, и восхищенная дикарка подбирала их, а потому отстала. Ей пришлось выйти замуж за Меланнона. Миф говорит о победе любви над неукротимой девственностью: ведь золотые яблоки — это **приманка любви**.

В сознании древних яблоко было связано не только с любовью. Золотые яблоки росли на дереве, которое Гея (Земля) подарила Гере на ее свадьбу с Зевсом. Росла эта яблоня на крайнем Западе, близ реки Океан, и охранялась тремя Гесперидами с помощью недремлющего дракона Ладона, изрыгающего пламя. Дряхлый царь Эврисфей, желая вернуть себе молодость, послал Геракла за яблоками Гесперид: это двенадцатый подвиг Геракла. Золотые яблоки Гесперид функционально соответствуют «молодильным яблокам» русских и других народных сказок (АТ 551) и золотым яблокам всемирно известных сказок о жар-птице, от которой три царевича караулили ночью чудесную яблоню в отцовском саду (АТ 550), а также добытому женихом чудесному яблоку, исцеляющему царевну, в редких славянских, балканских и западноевропейских сказках типа «Три жениха» (АТ 653 А).

В Средние века христианские авторы толковали миф о саде Гесперид как предание о земном рае, пытаясь согласовать античный миф с Библией. Не касаясь их «методологии», мы должны признать вдумчивость этих богословов: ведь библейский миф об Эдеме и греческий миф о саде Гесперид содержат один и тот же **архетип Сада**, где растет запретное дерево с чудесными плодами; охраняется же сад чудовищем. Черты того же архетипа являет роскошно-изобильный остров, на котором царит огромный змей, в древнейшей египетской «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» (папирусный подлинник — в Ленинградском Эрмитаже)². В древнеперсидской Зенд-Авесте повествуется, как Ахура-Мазда создал первого человека и поселил в саду Эдема, где растет «древо жизни», плоды которого дают бессмертие. Завистливый Анхра-Майнью в образе Змия явился к прародителям, совратил их и нарушил счастье первых людей. Золотая гора Эдема, по сказаниям персов, охраняется грифами.

² Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения Древнего Египта. М., 1958.

В опубликованном сказочном материале нового времени отмечена только одна сказка — турецкая «Три волоса», в которой чудесное яблоко предохраняет от смерти: принц получает от дервиша яблоко и, съев его, становится неуязвимым и бесстрашным в бою³.

Сад, древо жизни и охраняющее его чудовище — константные элементы архетипа, отразившиеся и в Библии. В книге Бытия сказано, что после изгнания Адама и Евы у врат Эдема был поставлен на страже ангел с огненным мечом. Но «ангел» — одна из неточностей русского перевода. Славянский текст Бытия точнее: «И изрину Адама, и всели его прямо рая сладости: и пристави херувима, и пламенное оружие обращаемое, хранити путь древа жизни» (Бытие, III, 24). В еврейском оригинале назван «херуб» (во множественном числе «херубим»), что означало крылатого быка. Крылатый бык, вращающий огненным мечом, не похож на херувимов поздних христианских представлений. Для создателей книги Бытия «херуб» был священным чудовищем.

Адам и Ева вместе съели яблоко с древа познания добра и зла, и увидели, что они наги, и сшили себе смоковые листья вместо одежды: иными словами, осознали различие полов, что имело колоссальные демографические последствия. Яблоко Эдема явилось «катализатором» первой на земле любви.

Но бог изгнал прародителей из рая не только за это. Он изгнал их, дабы они не успели вкусить плодов второго дерева — «древа жизни»: вкусив их, Адам и Ева обрели бы бессмертие, то есть стали бы равны богу. Параллели к этой теме (несостоявшееся бессмертие рода человеческого) широко представлены в мифах и сказках разных народов, но уже вне связи с чудесным яблоком.

Итак, яблоко — плод любви и вечной юности (бессмертия). Теперь мы должны выделить линии дальнейшего развития этого архетипа, отсекая побочные или случайные функции.

В своей исконной функции яблоко выступает в мифах и сказках о чудесном зачатии, причиной которого оно нередко служит. До нашего времени в турецкой народно-бытовой символике дарение яблока означает любовный призыв: наивным объяснением обычая служит то, что «эльма» (яблоко) рифмуется с «гель яныма» (приди ко мне)⁴. Уже у Сафо в одном из лирических стихотворений «сладкое яблоко» означает невесту, а жених изображен как собиратель (жнец) яблок. Сравнение девушки с яблоком типично для русского фольклора.

³ AT — Тип 255 по указателю «Typen türkischer Volksmärchen von W. Eberhard und P. N. Boratav». Wiesbaden, 1953, S. 307.

⁴ См. об этом: Назаров Р. Г. «Наглядная дипломатия» и предметное иносказание в фольклоре и литературе. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1980, вып. 7.

3. Фрейд утверждал, что яблоко — эротический символ; оно символизирует женскую грудь⁵. Это тоже наивное объяснение. Действительно, яблоко в культурной символике тесно связано с любовью и деторождением, но по иной причине.

Дело в том, что в древности яблоко трактовалось как стимулирующее средство. В «Песни Песней», которая исполнялась на иудейских свадьбах, Суламифь поет: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви» («Песнь Песней», II, 5).

В ногайской сказке «Исмаил-богатырь» и башкирской «Храбрый мальчик» яблоко, данное странником, разрезают пополам и съедают бездетные хан (старик) и ханша (старуха). От этого ханша рождает сына⁶. Сказка данного типа учтена в международном указателе сюжетов АТ под номером 675* только в исландском опубликованном материале. Здесь яблоко — и причина чудесного зачатия, и стимулирующее средство: супруги съели его вместе как Адам и Ева (миф о которых — общее достояние иуданзма, христианства и ислама).

В русских сказках типа АТ 551 фигурируют «молодильные яблоки» — чудесное лекарство для дряхлого царя. За ними посылают сказочного героя. Добывание чудесных яблок как одно из «трудных заданий» — прямая параллель к двенадцатому подвигу Геракла: сюжетно это те же яблоки Гесперид, содержательно они имеют сходную функцию; ведь «молодильные» — значит возвращающие способность к продолжению рода. И здесь яблоко трактуется как стимулирующее средство.

В сказке братьев Grimm № 17 — «Белая змея» (АТ 554) герой выполняет «трудные задачи» стропливой королевны с помощью благодарных животных. Третья и труднейшая задача — добыть «яблоко с дерева жизни». Блуждая в поисках его, герой садится в лесу под деревом, и тут в руки ему падает золотое яблоко, и он слышит: «Мы три молодых вороненка, которых ты спас от голодной смерти. Мы теперь выросли и, когда услышали, что ты ищешь золотое яблоко, прилетели из-за моря, долетели до самого края земли, где растет дерево жизни, и принесли тебе это яблоко».

Золотое яблоко с «дерева жизни», растущего на краю земли, является сюжетную аналогию с яблоком Гесперид. Герой возвращается к королевне: «...и уж теперь отговариваться ей было невозможно: они поделили яблоко жизни и съели его вдвоем; и исполнилось ее сердце к нему любовью, и дожили они в безмятежном счастье до самой глубокой старости». Съели вдвоем, как Адам и Ева, как ногайские и башкирские сказочные герои;

⁵ Фрейд Зигмунд. Лекции по введению в психоанализ. Т. II, М., — Пг., 1922, с. 163.

⁶ Ногайские народные сказки. М., 1979, с. 66; Башкорт халык ижасы. Экиэттер, II. Уфа, 1976, № 21.

но о детях в немецкой сказке ничего не говорится: значит яблоко здесь — **приворотное средство**.

Если в сказке «Белая змея» чудесная яблоня растет на краю земли, то в некоторых европейских и, в частности, восточнославянских сказках, например, о мачехе и падчерице (тип 480* по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка», Л., 1979) она находится явно в потустороннем мире. Некоторое сходство с этим мы видим в гриммовской сказке «Госпожа Метелица» (АТ 480), где чудесная яблоня растет в подземном царстве.

В другой гриммовской сказке — № 121, «Королевич, ничего не боящийся» (АТ 590) — герой проникает в волшебный сад, где растет дерево жизни с красными яблоками, охраняемое дикими зверями, как дракон охранял сад Гесперид. Подобные эпизоды см. в восточнославянских сказках типов АТ 590 — «Царевич и браслеты», АТ 315 — «Звериное молоко».

Итак, для сказочного фольклора мало характерна функция яблока, дающего бессмертие, зато съеденное яблоко часто является причиной чудесного зачатия, стимулирующим и приворотным средством. «Молодильные яблоки» призваны спасти от бессилия дряхлого царя. Кстати, в первобытном сознании бессилие царя вызывает бесплодие его страны⁷. Следовательно, добывание «молодильных яблок» — реликт более древней задачи восстановления земного плодородия, тема аграрных мифов, преломившаяся в более поздних сказочных сюжетах.

В свете сказанного яблоко предстает как символ человеческой любви и земного плодородия. Фольклорные функции его бывают самыми различными: оно может, катясь перед героем русской сказки, указывать ему дорогу, или служить средством наказания лукавой царевны в мировом сказочном сюжете типа «Рога» (АТ 566), или даже использоваться в качестве мишени (легенда о Вильгельме Телле). Все эти функции побочны, что доказывается легкой заменимостью яблока другими плодами или предметами. Тем более случайны говорящая яблоня (АТ 707), отравленное яблоко (АТ 709), вызывающее смертный сон царевны, как веретено в «Спящей красавице» (АТ 410), — и т. п.

Яблоко в его связи с любовью и плодородием имеет в греческой мифологии и сказках Востока своеобразный эквивалент — плод граната.

Древность культивации граната засвидетельствована указаниями в Ветхом Завете⁸ и в «Одиссее»⁹. Уже в древнем Вавилоне

⁷ См. об этом: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Вып. I, М.-Л., 1931, с. 303—312 «(Цари, предаваемые смерти на склоне своей силы)».

⁸ «Ланиты твои, как половинки граната за покрывалом твоим» («Песнь Песней», IV, 3).

⁹ Гомер говорит о выращивании граната в садах царя феаков и царя Фригии.

цветы гранатового дерева были самым любимым украшением¹⁰, а плод часто изображался в ассирийских и древнеегипетских скульптурах и имел религиозно-символическое значение в некоторых восточных культах, особенно во фригийском культе Кибэлы.

Согласно фригийским мифам, Аттис, супруг Кибэлы, был рожден нимфой Наной вследствие чудесного зачатия: она почувствовала себя будущей матерью, съев плод граната. Это совпадает с одной из фольклорно-мифологических функций яблока. Кстати, слово «гранат» восходит к латинскому *malum granatum* — «яблоко зернистое».

С глубокой древности было известно, что корка граната обладает сильными вяжущими свойствами. Народная медицина древнего Востока, а затем Греции и Рима широко использовала эту корку для лечения многих желудочно-кишечных и женских болезней.

По множеству зерен в гранате, напоминающем многоплодное чрево, этот плод издавна стал символом плодородия. В древней Греции гранат был плодом Геры, богини брака, покровительницы женщин, помощницы беременных и рожениц.

Согласно одному из самых известных мифов, Зевс приказал Аиду вернуть на землю похищенную им Персефону; Аид повиновался, но перед этим дал ей поесть гранатовых зерен, и поэтому Персефона (олицетворение аграрного цикла) через полгода вернулась к Аиду. Советский историк античной культуры пишет: «Аид согласился отпустить Персефону к матери, но предварительно дал ей проглотить зерно плода граната, символ брака»¹¹. Мы бы добавили: не только символ, но и приворотное средство.

Таким образом, в древней Греции зерна граната были приворотным средством для новобрачных. В соответствии с этим в восточном фольклоре нового времени гранат символизирует неразрывность брачного союза¹². Это значение не угасло до наших дней. Близки к этому поверья турецких крестьян: «Чтобы родился красивый ребенок, мать должна есть гранаты, не раздавив при этом ни одного зернышка. В противном случае на теле новорожденного будут родинки»¹³. Так совершилась редукция мифа о чудесном зачатии — он свелся к поверью о влиянии поедаемого граната на красоту будущего ребенка.

Мы видим, что гранат выступает в мифах и сказках как причина непорочного зачатия, приворотное средство, символ брака и плодородия, то есть функционально подобен яблоку, хотя не

¹⁰ Кленгель-Брандт Эвелин. Путешествие в древний Вавилон. М., 1979, с. 85.

¹¹ Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. М., 1975, с. 68.

¹² См. турецкую сказку «Плод граната» — тип 190 по указателю «Türker türkischer Volksmärchen von W. Eberhard und P. N. Bogatav.»

¹³ Серебрякова М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. М., 1979, с. 197.

тождествен ему. Заметим, что гранат никогда не получал функции «яблока раздора», а яблоко не вело к неразрывности брачного союза.

Отношения этих двух символов вряд ли можно определить слишком широким и порою расплывчатым термином «параллель». Так, в цитированной выше работе В. Э. Шпенглера параллелями к яблокам райского «дерева жизни» названы живая вода, источник жизни, трава жизни; ясно, что их связь с яблоком гораздо отдаленнее, чем связь яблока и граната, о которой В. Шпенглер не упоминает. Мы предлагаем такую более тесную связь, включающую глубокую семантическую близость, определять как сюжетную синонимию.

В мифе об Эдипе страшная судьба ребенка была предсказана Дельфийским оракулом; в средневековых вариантах этого сюжета оракул заменен другими предсказаниями, функционально тождественными ему. Например, в апокрифе об Иуде Искариотском мать Киборея незадолго до рождения ребенка видит сон, предсказывающий ему «эдиповскую» судьбу (инцест и отцеубийство). Вещий сон здесь — синоним оракула, замена обусловлена локально и исторически. Синонимом оракула и вещего сна оказывается в румынской сказке «Волшебный кабан» пророческая книга, где королева с ужасом читает, что ей суждено стать женой кабана¹⁴. Синонимический ряд этих символов сохраняет очень близкую семантику, не говоря уж об одинаковых сюжетных функциях.

Установление синонимии культурных символов помогает раскрывать аналогию смысловых структур, заслоненную историческими и местными различиями, и тем самым расширяет возможности типологических исследований.